

2-й экз.

Петроградский Губернский Совет Профессиональных Союзов

231

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

4-87

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

КП
80
A87

АРХИВ

ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России

КНИГА ПЕРВАЯ

1921

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД 1921

История труда и его значение.

Хотя история и является самой древней из наук, но развитие ее шло чрезвычайно медленно и лишь сравнительно недавно, каких-нибудь полтора столетия тому назад, под словом «история» перестали понимать собрание более или менее занимательных биографий выдающихся людей и коллекцию анекдотов о выдающихся событиях и памятных происшествиях. Но даже после того, как на историю стали смотреть гораздо серьезнее, еще в начале 19-го столетия, ученые почти вовсе не касались той стороны исторического процесса, без изучения и понимания, которой вообще нельзя понять важнейшего и существеннейшего в прошлой жизни человечества: экономическая история была совершенно заброшена, ею не занимались и не интересовались. Самые выдающиеся и талантливые историки первой половины 19-го века, вроде Маколея, посвящая по много томов сравнительно небольшому периоду истории родной страны, довольствовались тем, что отводили изображению хозяйственной жизни данной эпохи лишь несколько беглых страниц, отделялись от этого вопроса общими и неопределенными характеристиками, и притом не ставили ни в какую связь экономику с политикой и с другими областями исторической жизни. Встречались, правда, уже тогда счастливые исключения. В 1817 году немец Бек написал превосходное исследование по истории финансов древних Афин; но хотя эта книга осветила очень многое в самой темной глубине прошлого афинской республики, однако последователей и продолжателей Бек не нашел. В начале сороковых годов 19-го века, французский ученый Герар нашел, издал и блестяще исследовал в высшей степени важную рукопись о хозяйстве большого аббатства Сен-Жермен-де-Прэ в самую неведомую, самую загадочную пору средних веков, и сразу неожиданным светом озарила вся экономическая история ранней эпохи феодализма. Можно было ожидать, что Герар найдет последователей и продолжателей. Но ничего подобного не случилось; о нем забыли, так же, как забыли о Беке.

Нужен был решительный толчок, который придаст бы изучению экономической истории широкий не только научный, но и общественный интерес. Этот толчок был дан одновременно, — на континенте Европы Карлом Марксом, а в Англии — Торольдом Роджерсом.

Уже с конца сороковых годов полная необходимость во всех исторических объяснениях исходить из экономики была для Маркса ясна. Как публицист, рассуждавший о современных ему бурных политических событиях, Маркс с ранних пор привык усматривать под внешними формами политической борьбы глубоко заложенные в самой природе капиталистического общества классовые противоречия. В 50-х и 60-х годах это воззрение в нем все более укреплялось и становилось руководящим для всей его умственной жизни, для всех его научных изысканий и политических воззрений. Деятельность Маркса в начале 60-х годов, особенно с 1862—1863 г.г., в эпоху основания первого интернационала, очень много содействовала широкому распространению новых идей и нового исторического понимания. Наконец, в 1867 году появился первый том его «Капитала» и о марксовской историко-философской теории заговорили специалисты, — сначала экономисты, а затем историки.

Живейший интерес, как положительный, так и полемический, как среди сторонников, так и среди противников, был возбужден и поддерживался не только определенностью и законченностью теоретической формулировки, которую придали Маркс, а еще более Энгельс, материалистическому пониманию истории, и не только страстностью, с которою они оба отстаивали свое воззрение. Общие условия политической жизни середины 19-го века были таковы, что марксов-

ская точка зрения на историю все более приобретала жизненный, практический интерес. Необычайно ускорившийся темп экономических и политических изменений, так характерный для капиталистической эпохи, давал себя чувствовать. Рабочий класс был, правда, еще сравнительно слаб численно, мало организован и в обыкновенное время мало влиятелен политически, но уже запомнились и — одних обрадовали, других сильнее всего встревожили — отдельные яркие и трагические моменты: 1848 год с небывалым до тех пор четырехдневным восстанием парижских рабочих в июне, с подавлением этого восстания, участие рабочего класса в революциях германской и австрийской, — все это было еще слишком недавно и, главное, все это случилось слишком неожиданно. Ведь только после событий 1848—1851 г.г. стали вспоминать, что проныщательные умы, вроде Лоренца Штейна, еще задолго до революции предсказывали ее резко выраженный социальный, а не только политический характер. Благодаря, отчасти, этой неожиданности, а отчасти благодаря тому, что рабочее движение оказалось не задавленным, но только временно, в пятидесятых годах, придавленным, и в начале шестидесятых годов опять начало поднимать голову, — события 1848 года не переставали привлекать к себе внимание, нисколько не забывались и не тускнели. Марксовская попытка объяснения этих событий пробудила прежде всего интерес к общей его исторической теории. Появление первого тома «Капитала» в 1867 году еще более этот интерес усилило и углубило.

Каков политический смысл появления рабочего класса, как самостоятельной силы в истории? Чем обуславливается быстрый рост этого класса? Каково его соотношение с другими классами общества? Что такое, вообще, социальные классы и какие признаки отделяют один класс от другого? Действительно ли так уж ново появление рабочего класса и его вмешательство в политическую жизнь? Раз возникли, эти вопросы уже не могли быть сданы в архив. Периодические собрания первого интернационала, Парижская коммуна 1871 года, рост германской социал-демократии, — все это поддерживало напряженный интерес к проблемам, выдвинутым Марксом. Деятели науки, как экономистам, так и историкам, стоило лишь обратить сколько нибудь серьезное внимание на эти вопросы, — и сейчас же они увидели, как мало пока сделано в области экономической истории, до какой степени тут нужно начинать, так сказать, с азбуки. И в то же время жизнь стала настойчиво обращать внимание ученых исследователей на другой производительный класс общества — на крестьянство и его историю.

Почти одновременно с выходом 1-го тома «Капитала», в Англии (с 1866 года) стало публиковаться многотомное исследование профессора Оксфордского университета Роджерса под названием «История земледелия и цен в Англии». С каждым томом все яснее становился ход исторической жизни английского крестьянства, причины и последствия расслоения его на отдельные экономические группы, все больше и больше подтверждалась та истина, что без истории хозяйства данной страны можно рассказать, но нельзя понять ее историю вообще. Роджерс, не зная Маркса, и вполне независимо от Маркса, дал первое приложение его воззрений и методов, и именно по истории земледелия и земледельческого класса. Исследование английского ученого дало могущественный толчок к изучению истории крестьянского класса и на континенте Европы. До тех пор уже были ценные работы Маурера по истории общины в Германии, Гакстгаузена (1847 г.) об общине в России, Зугенгейма по истории крепостного права в странах центральной Европы по преимуществу и т. д., — но до Маркса и Роджерса все эти работы являлись какими то одиночными островками среди моря общего невежества в области экономической истории. Отныне историей крестьянства занялись несравненно серьезнее, систематичнее, глубже. В Германии школа Шмоллера, из которой вышли Кнапп и Виттих, успела больше всего сделать по истории земледелия и крестьянства. Во Франции и России прогресс науки сказался несколько позднее. В Англии, как это ни странно, преемники Роджерса выступили позже, чем в Германии, Франции и России. Во всяком случае, с начала семидесятых годов 19-го в. до настоящего времени не проходило года, чтобы в одной из этих стран (а с 80-х г.г. и в Италии) не появилось одной или нескольких, мелких или крупных работ по экономической истории.

И можно сказать, что ни одна область исторического знания в последние пятьдесят лет не сказывалась в таком близком и постоянном соприкосновении с жизнью, с текущей хозяйственной и общей политикой, как именно экономическая история; переход Германии к покровительственной таможенной политике в конце 70-х годов повлек за собою небывалое оживление в области исследования истории промышленности; большие рабочие стачки во Франции в 90-х г.г. вызвали к жизни литературу по истории рабочего класса; возрастающее значение профессиональных союзов в Англии породило классическое двухтомное исследование о тред-юнионизме, написанное Сиднеем и Беатрисой Уэбб; экономический кризис в жизни крестьянства скандинавских стран в последние десятилетия 19-го и в начале 20-го века сопровождался появлением ряда работ по истории местного крестьянства.

Чем объяснить это явление, эту теснейшую связь между наукою и жизнью в данном случае? Чем объяснить, что Жорес, говоря от имени социалистической партии во французской палате депутатов в 1899 году о положении французского крестьянства, постоянно ссылаясь на исторические работы покойного русского профессора И. В. Лучицкого о крестьянах времен революции? Чем объяснить, что в германском рейхстаге, едва только заходила речь об экономических реформах или их критике, ораторы всех партий, начиная с правых и кончая покойным Карлом Либкнехтом, не переставали приводить в виде серьезнейших доводов те факты и умозаключения, к которым пришли Шмоллер, Инама-Штрэнгг, Шульце-Гевеверниц и другие деятели чистой науки? Это объясняется прежде всего тем, что, действительно, ни в одной области исторической науки нельзя почерпнуть столько уроков, сколько в области истории экономической. Экономика так мало зависит от отдельных людей, напротив, люди с их будто-бы вполне свободной волей так много зависят от экономической эволюции, самые законы и характер этой эволюции еще так загадочны, так таинственны и трудно уловимы, что, конечно, только от ясного знания и понимания прошлого можно надеяться получить хоть какие нибудь руководящие нити для будущего. И немудрено, что именно те политические деятели, которые стоят на точке зрения марксизма, больше всего считаются и должны считаться с выводами, к которым приходит в данной области бесстрастное историческое исследование.

Таким образом, наука должна быть благодарна социальному и политическому движению середины 19-го века за тот благодетельный толчок, который направил ее внимание на разработку экономической истории, до тех пор почти вовсе неизвестной; в свою очередь деятели социально-политической жизни полными пригоршнями черпают из постоянно пополняемой научной сокровищницы то, что им совершенно необходимо для целей практической борьбы за свои идеалы.

Но есть в огромной области экономической истории вопрос, который выделяется своей колоссальною важностью из всех других. История производительных классов общества (и прежде всего, в их числе крестьян и рабочих)—вот на что все больше и все пристальнее направляется мысль ученых исследователей, и вот что ближе всего соприкасается в то же время с заданиями практической политики. Немудрено, что история крестьянства и рабочего класса и на западе, и у нас привлекают к себе внимание (особенно в последние 20—25 лет) больше, чем любая другая отрасль социально-экономической истории. В течение почти всей всемирной истории до нового времени земля была либо единственной, либо главенствующей формою капитала, земледелие и сельское хозяйство кормили и делали сильными большие народы, крупные державы. Узнать во всех подробностях историю крестьянства любой европейской страны от начала средних веков и чуть ли не до 18-го века, кроме разве северной Италии и, отчасти, Англии, значило бы понять основной смысл едва ли не всей социально-политической жизни данной страны. Все остальные классы общества во весь этот долгий период так или иначе вращались вокруг этого главного ядра—крестьянства, и их место в истории определялось их отношениями к крестьянскому классу. С другой стороны, с того момента, когда движимый капитал начинает приобретать все большее и большее значение, другая отрасль труда,—рабочий труд становится все более и более значительным фактором, влияющим на историю. С конца 18-го века, а особенно с третьего и четвертого десятилетий 19-го века, без отчетливого знания истории рабочего класса нельзя уже понять очень и очень многого.

История трудящихся классов (и прежде всего крестьянского и рабочего) не есть вся экономическая история данного народа, но только часть ее, этого не следует забывать, чтобы не впасть в преувеличение и ошибки. Но ко всей громадной задаче построения экономической истории легче и удобнее всего подойти именно чрез построение истории трудящихся классов. Человек, человеческий материал, данный класс общества—это настоящая реальность истории, осязаемая величина, видимая даже неопытному глазу. Следя за изменениями в составе, в построениях, в политическом поведении каждого из классов общества, теснее и непосредственнее всего связанных с экономической жизнью страны, мы постепенно доберемся до понимания самых скрытых пружин исторической эволюции. С этой точки зрения трудно назвать какой либо третий класс общества, с которого так же удобно было бы начинать изучение экономической истории, как класс крестьянский для более старого периода европейской истории и классы крестьянский и рабочий для изучения новейших времен.

Что касается практического значения изучения истории обоих упомянутых трудящихся классов, то оно не всюду вполне одинаково. В современной Англии крестьянство, как обособленный класс, почти исчезло, его экономическая и политическая роль сыграна уже давно. Еще в 30-х, 40-х, 50-х годах в Англии происходили судебные процессы и велись горячие споры по вопросу об огораживании былых общинных земель, и писались особые исторические трактаты по этому поводу. Теперь это явление отошло в область прошлого, и вообще, ничто, связанное

с исчезающим крестьянством, уже не может иметь в Англии злободневного характера. В других странах Западной Европы, в Германии, а особенно во Франции, крестьянство не только не исчезло, но, напротив, обнаруживает большую устойчивость. Но крестьянских вопросов в этих странах тоже почти не существует: крестьянство, вообще переживающее гораздо более медлительную эволюцию, чем классы, связанные с движимым капиталом, еще до сих пор не изжило периода, последовавшего после полного уничтожения всех пережитков старых феодальных отношений. Новые задачи ставятся туго, разрешаются медленно, внутри-классовое расслоение идет, но далеко не таким бурным темпом, как многие ждали этого после 1848 года.

При этих условиях и в Англии, и в странах континентальной Европы интерес разработки истории крестьянского класса—прежде всего есть интерес научный, и в несравненно меньшей степени—практический. Напротив, история рабочего класса, быстро растущего в Англии и Германии, более медленно во Франции и Италии, сплошь и рядом оказывается нужною для уяснения настоящего положения вещей. В истории рабочего класса нигде не было такой резкой черты, которая, как острым ножом, раз навсегда разрезала историю крестьянства: рабочий класс не знал ни феодализма, ни уничтожения феодализма. То, что было во Франции до 1848 года, является для практического политика, когда речь идет о крестьянстве,—древнею историею, не имеющею ни малейшего касательства к современности. Напротив, рабочие восстания, происходившие во Флоренции в 14 и 15 веках, или эксплуатации рабочего труда в Англии 18-го столетия, или силезийские стачки сороковых годов 19-го века—все это явления, если их рассматривать со стороны общей, с точки зрения их социологической природы, чрезвычайно важные и поучительные для всякого, кто силится понять те или иные черты новейшего рабочего движения. Движение и настроение английских углекопов в 1821 году несравненно более походят психологически на движение и настроение так называемого городского «меньшего люда» (*popolo minuto*) в северной Италии в 14 столетии, чем быт и стремления французского крестьянства в 1788 году на быт и стремления того же крестьянства при Наполеоне, спустя всего двенадцать лет после начала революции.

Есть только одна страна, для которой и история крестьянства, и история рабочего класса имеют первостепенный не только научный, но и чисто-практический интерес, в почти одинаковой степени. Это Россия. Революция здесь уничтожила все старые политические и юридические отношения, но экономическая эволюция, хотя при изменившихся условиях, будет продолжаться, и делом первостепенной государственной необходимости является возможность хотя бы приблизительного предвидения, в какую сторону направятся в ближайшем будущем пестрые и сложные течения хозяйственной жизни страны. Крестьянский вопрос или, вернее, ряд крестьянских вопросов существовал в России всегда. Эти вопросы, живо затрагивающие громадное большинство русского народа, занятого земледельческим трудом, не только не разрешены, но и не могут в 3—4 года быть разрешены; мы даже не можем вполне ясно отдать себе отчет в размерах и характере происшедших изменений. Собираение точной статистики в деревне во всероссийском масштабе в данный момент является предприятием, донельзя затруднительным. При этих условиях громадную пользу может принести разработка и научный анализ тех данных, которые уже находятся в архивах. Данные о площадях запашки и посева, о влиянии урожаев и неурожаев, о причинах местных явлений вроде малоземелья или череспосадницы или удачного или неудачного расположения путей сообщения и т. д. и т. д.—сплошь и рядом окажутся весьма мало устаревшими, несмотря на бурю, пронесшуюся над Россией. При известных, уже обозначающихся условиях, могут сказаться полезными и старые сведения о рынках сбыта сельскохозяйственных продуктов и т. п. Трудно даже перечислить все категории практических вопросов, по которым крестьянской России могут понадобиться данные, касающиеся истории земледельческого класса.

Что касается рабочих, то их организации в России (начиная с профессиональных) еще так молоды и им предстоит считаться с такими сложными проблемами в будущем, что внимательное ознакомление с историей своего собственного класса, вероятно, покажется им, рано или поздно, делом не только интересным, но прямо необходимым. Не следует забывать, что, напр., вопрос о значении иностранного капитала для русского рабочего класса, вопрос о повышении производительности труда, о категориях и расценке различных разрядов трудящихся,—все это вопросы не только сегодняшнего, но и вчерашнего дня, и знать свой вчерашний день—даже с практической точки зрения—оказывается безусловно необходимым.

Но разве можно даже приблизительно предвидеть ту огромную пользу, которую приносит человечеству всякое расширение научного знания, само по себе, даже независимо от прямых практических заданий? Разве можно предсказать, на какие новые пути натолкнется в будущем обобщающая мысль, когда архивы откроют свои тайны и поток новых фактов, новых наблюдений и частичных исследований обогатит науку? Издатели средневековых текстов во Франции

и Германии вызвали к жизни великие исторические исследования Фюстель-де-Куланжа, Вайтца, Маурера, всех этих ученых, написавших историю средних веков; английские фабричные инспектора, когда начали публиковать отчеты о своих поездках, наверно не предвидели, какую бесценную услугу они оказывают этим Марксу и Энгельсу, какое значение эти скромные «синие книги» будут иметь для экономической науки.

Нельзя предвидеть и теперь всех последствий, которые может иметь и для науки и для практической политики систематическая, широко поставленная, неустанно продолжаемая коллективными усилиями многих исследователей разработка громадной массы документов, относящихся к истории труда в России и хранящихся в наших архивах.

Можно лишь сказать с уверенностью, что все, кто прямо или косвенно помогут поставить эту работу на правильную дорогу и будут самую работу делать, принесут бесспорную пользу и науке, и русскому народу.

Е. Тарле.